

Николай Чадович, Юрий Брайдер

Фальшивомонетчик

*Часть сборника
Телепатическое ружье (сборник)*

Николай Чадович
Фальшивомонетчик

«Автор»

1990

Чадович Н. Т.

Фальшивомонетчик / Н. Т. Чадович — «Автор», 1990

ISBN 978-5-457-10082-4

«На службу Клещов привык являться загодя, хотя мотивы, побуждавшие его к этому, ничего общего с трудовым энтузиазмом не имели. За эти каждодневно отрываемые от личного времени час-полтора он успевал собрать уйму информации по многим, горячо интересующим его вопросам. Причем пользовался исключительно ушами да изредка — вполне безобидными наводящими вопросами. Более того — мнительный, как и все фартовые люди, Клещов вбил себе однажды в голову, что именно таким способом сможет когда-нибудь обмануть судьбу...»

ISBN 978-5-457-10082-4

© Чадович Н. Т., 1990

© Автор, 1990

Юрий Брайдер, Николай Чадович Фальшивомонетчик

На службу Клещов привык являться загодя, хотя мотивы, побуждавшие его к этому, ничего общего с трудовым энтузиазмом не имели. За эти каждодневно отрываемые от личного времени час-полтора он успевал собрать уйму информации по многим, горячо интересующим его вопросам. Причем пользовался исключительно ушами да изредка – вполне безобидными наводящими вопросами. Более того – мнительный, как и все фартовые люди, Клещов вбил себе однажды в голову, что именно таким способом сможет когда-нибудь обмануть судьбу. Представлялось это ему примерно так: если в длинной череде дней выпадет вдруг тот один-единственный, отмеченный свыше неумолимой черной силой, когда у кого-либо из постовых милиционеров или у своего же брата-инкассатора сорвется с языка удивленно-злорадное: «Слыхали про нашего Клещова? Кто бы мог подумать!», он в этот самый момент обязательно окажется где-нибудь неподалеку, как всегда тихий и незаметный, как всегда чуткий и зоркий. И тогда еще все можно будет изменить, хватит и времени, и сноровки, и хладнокровия. Опять капкан лягнет впустую, опять облава пронесется мимо, опять неуловимой тенью проскользнет он под красными флажками.

Потолкавшись немного среди клиентов в операционном зале и заглянув во все служебные помещения банка, вход в которые не был ему заказан, Клещов, как обычно, закончил свой рейд у кассовой стойки, за которой, скрытая от посторонних глаз матовым стеклом, восседала, его давняя знакомая Инна Адамовна Тумасян. По годам ей полагалось быть еще женщиной хоть куда, однако длительное общение с огромными суммами чужих денег при почти полном отсутствии своих собственных не пошло Инне Адамовне на пользу. Она рано увяла, обабилась, была оставлена мужем и, судя по всему, успела утратить интерес к жизни вообще и к мужчинам в частности. Исключение делалось только для Клещова, человека по всем статьям положительного, малопьющего да к тому же еще и члена бытовой комиссии месткома.

Приняв от Клещова хрупкую, слегка примороженную гвоздику (накануне приобретенную им на колхозном рынке, причем чистый доход от этой несложной финансовой операции составил без малого десять червонцев), Инна Адамовна тут же принялась обмахиваться ею на манер оперной Кармен. Недолгая их беседа, состоявшая главным образом из обмена слухами относительно намечавшейся вскоре эпидемии какого-то чрезвычайно опасного гриппа, уже заканчивалась, когда Клещов как бы невзначай поинтересовался:

– Ну, а на работе у вас какие новости?

– Ах, не говорите! – Инна Адамовна трагически взмахнула гвоздикой. – Вчера вечером опять фальшивую купюру изъяли. Сторублевую. И до чего аккуратно сделана!

Только на гербе не все надписи читаются да в защитной сетке дефекты имеются.

Прямо кошмар какой-то!

– Специалисты, – выдавил из себя Клещов, ощутив в левом подреберье острую, короткую боль. – А глянуть можно?

– Уже сдали в милицию.

– Давно?

– Часа два прошло...

Машинально поглаживая правую сторону паха, где в потайном карманчике хранились ровно десять сотенных бумажек – родных сестричек той, о которой рассказывала Инна Адамовна, Клещов вышел на крыльцо. Влип, подумал он, подставляя ветру разгоряченное лицо. Неужели опять влип?

Клещов не был трусом, муками совести никогда не страдал – Бог миловал! – однако, давным-давно привыкнув к ежедневным своим преступлениям, привык и к каждодневному страху (хотя страх этот не был страхом глупого и беззащитного зайца, скорее он был сродни страху многоопытного, не однажды битого волка, прекрасно знающего цену и себе, и своим врагам).

Что же делать? Что? Притихнуть, залечь на дно, замереть на время? А деньги?

Новенькие, почти настоящие деньги, которые даже сквозь кальсоны нестерпимо жгут тело, похрустывают под ладонью, просятся на волю! Сколько положено на них труда, сколько надежд с ними связано! Ведь два часа всего и прошло! Вряд ли громоздкая милицеевская машина успела уже раскрутиться на все обороты. Пока не застучали телетайпы, пока не запищали рации, пока не побрели по значным местам патрули и участковые, предупреждая всех встречных и поперечных, надо действовать!

Действовать! Действовать решительно и быстро! Нахлобучив ушанку глубже на глаза, он бросился к автобусной остановке. Уже не разум вел его, а могучий слепой инстинкт. Так иногда зверь, счастливо избежавший засады и уже сбивший со следа гончих, вновь возвращается к логову, чтобы спасти свое потомство, своих беспомощных детенышей, самое дорогое, что только может быть у всех живущих на этом свете.

А вот для Клещова самым дорогим на свете были деньги! Центральные ворота колхозного рынка украшали две бетонные, крашенные под бронзу фигуры одинаково огромного размера. Фигура в спецовке и сдвинутой на затылок кепке опиралась на сноп пшеницы, фигура в косынке и платье до щиколоток протягивала перед собой корзину, полную фруктов, – и, скорее всего, никаких других колхозников поблизости не имелось. Промышлял тут, в основном, люд приезжий, лукавый и загребуший.

Решительно отвергнув услуги развязных коробейников, предлагавших ему целые кипы мутных черно-белых открыток, на которых чеканный профиль вождя соседствовал с пушистыми котиками, Клещов прошел за ограду. Овощные и мясомолочные ряды уже пустовали, но там, где торговали цветами, семечками и южными фруктами, народ еще толпился. Многочисленные свечки, горевшие в прозрачных ящиках с гвоздиками и тюльпанами, придавали рынку сходство с каким-то запущенным храмом или с кладбищем в день поминовения.

Вчерашнего кавказца Клещов заприметил еще издали. Поминутно сморкаясь и чихая, тот топтался на прежнем месте, простуженным голосом рекламируя свой нежный товар.

«У-у, спекулянт проклятый, – выругался про себя Клещов, – дернул же тебя нечистый разменять сотню! Наверное, в ресторане перед девочками решил шикануть?»

А что, если милиция уже вычислила его? Не исключено. И вполне возможно, что стоит он здесь сейчас совсем не по своей торговой надобности, а по чьему-то строгому приказу, высматривая в рыночной сутолоке давешнего покупателя. Смотри, смотри, генацвале! Скорее ты свой Казбек отсюда увидишь, чем меня!»

Клещов резко повернул и устремился к фруктовому павильону. Пробормотав что-то насчет жены и родильного дома, он попросил плосколицего восточного человека с загадочным, а может, просто заспанным взором, взвесить полкило бессовестно дорогого винограда. Получив кулек, Клещов долго копался по карманам, звеня мелочью и шелестя рублевками, потом с печальным вздохом вытащил сотенную:

«Прости, друг, других нету!» Потомок Железного Хромца долго мял бумажку, рассматривая ее на свет, и даже нюхал, однако в конце концов сполна выдал сдачу мокрыми десятками и пятерками.

Вторую купюру разменял для него в шашлычной какой-то явно безденежный алкаш.

«Сбегай, приятель, за сигаретами, от товара не могу отойти. Пятерик можешь себе оставить...» Третья бесследно исчезла в людском водовороте вместе с миловидной блондинкой, о непростых жизненных обстоятельствах которой красноречиво свидетельствовал

небрежно заштукатуренный синяк под глазом. Клещов, проклиная все на свете, а в особенности бесчестных баб, бросился на поиски очередного подставного «лоха», однако совершенно случайно столкнулся с плечистым мужчиной, чей мимолетный, но пристальный взгляд неприятно резанул его.

Поспешно скрывшись в толпе, Клещов сделал по рынку несколько замысловатых петель и заперся в кабине туалета. Там он торопливо, не чувствуя вкуса, сожрал виноград – не пропадать же добру! – и утопил в унитазе все оставшиеся сторублевки, изорвав их на мелкие клочья.

Клещов уже миновал увековеченных в бетоне тружеников села, когда к воротам, мигая синим маячком, подлетела милицейская автомашина. Из нее выскочили двое (слава Богу, не оперативники – сержанты наружной службы в черных дубленых полушубках) и бегом бросились на территорию рынка. Навстречу им кто-то в штатском вел громко причитающую блондинку. Сержанты еще не добежали до них, как штатский махнул рукой куда-то вглубь, – туда, мол, давайте, да побыстрее!

Невнятно донеслись обрывки фраз: «В кроличьей шапке... среднего роста... в руках кулек с виноградом...»

... Жил Клещов на окраине, в ветхом бревенчатом домишке, давно предназначенном на снос, как впрочем, и все другие строения на улице. Однако по неизвестной причине снос этот постоянно откладывался, жилой фонд ветшал без ремонта, заборы заваливались, водоразборные колонки или бездействовали, или безудержно фонтанировали, тротуары зимой тонули в сугробах, а летом – в лопухах.

Цепной кобелина Пират, уступавший легендарному Церберу только количеством голов, но отнюдь не размерами и свирепостью, глухо заворчал, почуяв хозяина. Главной его страстью было наполнение утробы, однако Клещов не очень-то поощрял это, не без основания полагая, что неудовлетворенные желания должны побуждать людей к инициативе и творчеству, а зверей – к бессоннице и злобе. Не зажигая в доме света, Клещов спустился в подпол, где у него было оборудовано нечто вроде слесарной мастерской. Внимательно проверив одному ему известные тайные знаки, Клещов убедился, что никто из посторонних не побывал здесь в его отсутствие, и только после этого сдвинул в сторону старинный, наполненный всяким хламом шкаф, за которым обнаружилась низкая металлическая дверца, запертая на навесной замок.

В потайной комнате было душно, пластами висел сизый табачный дым, пахло типографской краской и нематым человеческим телом. Почти все наличное пространство комнаты занимала гудящая, лязгающая машина – некий гибрид печатного станка Гуттенберга и современного промышленного робота. С большого барабана медленно сматывалась лента бумаги, снабженная водяными знаками, в чечеточном ритме шлепали разнообразные клише и штемпели, нумератор, управляемый датчиком случайных чисел, выставлял в положенном месте семизначный номер, гильотинный нож отрубал от ленты готовые купюры, которые, пройдя напоследок еще через один аппарат, придававший им потертый и засаленный вид, огромными бабочками выпархивали в картонный ящик из-под импортных консервов. В углу на табуретке дремал Боря Каплун, главный конструктор, единственный строитель и вечный раб этой машины – золотые руки, светлая головушка, голубиная душа, горькая пьянь.

Под тяжелым взглядом Клещова он проснулся и радостно осклабился:

– Кто к нам пришел! Шефу-у-у-ля! А я тебе, шефуля, миллион напечатал. Ты теперь богат, как Ротшильд. Надо бы спрыснуть это дело!

– Перебьешься, – буркнул Клещов, поймав в воздухе очередную купюру. Да, все точно! Имеются дефекты в защитной сетке. А про надписи на гербе он и раньше знал. Как-никак сам клише резал. Полжизни, считай, на это дело ушло, и все впустую!

Единственным предметом – кроме физкультуры, конечно, – по которому Клещов в школе, а потом и в училище полиграфистов имел твердую пятерку, было черчение.

Первую свою фальшивку он изготовил пятнадцати лет от роду на клочке синей тетрадной обложки при помощи линейки, школьного рейсфедера и туши. Это был билет в кинотеатр на популярный в то время двухсерийный фильм «Великолепная семерка».

Билет получился – лучше настоящего. В училище Клещов занялся изготовлением медицинских справок, освобождавших от занятий – не задаром, конечно. Печати и штампы перекачивал со старых, использованных бланков свежесваренным крутым яйцом. Научился виртуозно копировать любые почерки. Сгорел по глупости.

Понадеявшись, что никто не станет вчитываться в неразборчивые «медицинские» каракули, выставил в очередной справке диагноз: «Вывих пищевода».

Разбирательство было долгим и шумным, однако по молодости лет его пожалели – дали доучиться.

Впрочем, все это в конечном итоге можно было считать шуточками. Настоящая работа началась много позже, когда Клещовым уже овладела неудержимая страсть к деньгам.

Времена «трудные, но светлые» как раз сменились временами легкими, но темными.

В памяти Клещова этот момент почему-то ассоциировался с исчезновением в гастрономах колбасы, началом джинсовой эпопеи и первыми судорогами книжного бума. Многие его сверстники и, что самое обидное, даже знакомые стали обзаводиться машинами, дачами, кооперативными берлогами, импортным барахлом. Не за зарплату, само собой. Всего этого хотелось и Клещову. Да еще как хотелось!

Может быть, впервые в жизни он задумался всерьез и надолго. Единственное, что он умел делать в совершенстве, – чертить, рисовать, копировать. Вывод напрашивался сам собой. Первую фальшивую десятку он рисовал целый месяц, все вечера напролет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.